

Наталья Ермакова, Мануэль Роммель

Берлин, Германия

**РОЖДЕНЫ В РОССИИ, ИЗУЧАЮТ РОССИЮ, ЗНАЮТ РОССИЮ?
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СТУДЕНТОВ БАКАЛАВРСКОЙ
ПРОГРАММЫ «МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИИ»**

1. Введение

Бакалаврская программа «Междисциплинарные исследования России. Культура, язык, политика, управление и экономика»¹ была основана в 2009 году в Потсдамском университете (Германия). Спустя почти 10 лет ее существования становится возможным сделать определенные выводы, касающиеся в том числе и студентов, выбирающих это направление обучения. Так, подавляющее большинство обучающихся – молодые люди с так называемым постсоветским миграционным фоном². Согласно внутренней статистике, 60–70 % первокурсников, начинающих обучение по программе «Междисциплинарных исследований России» (далее кратко: МИР), являются выходцами из семей постсоветских мигрантов и в большинстве своем относятся ко второму поколению мигрантов (Ермакова 2016; Ermakova, Holland 2018). Это значит, что в отличие от их родителей, бабушек и дедушек, полностью социализированных в СССР и приехавших в Германию во взрослом возрасте, они либо приехали вместе с ними детьми, либо уже родились в Германии³. Стоит отметить, что с 1987 года и до сегодняшнего дня в Германию мигрировало более трёх миллионов жителей различных республик бывшего Советского Союза (Worbs et al. 2013). Они образуют очень неоднородную социодемографическую группу, которую характеризуют различные причины миграции, правовой статус в Германии и социокультурные признаки. Поздние переселенцы, часто называемые российскими немцами⁴, и русские евреи представляют собой наибольшие подгруппы внутри описанной выше группы. При этом около 1 млн. из всех постсоветских мигрантов переехали в Германию в возрасте младше 10 лет и были социализированы по большей мере уже в Германии (Panagiotidis 2017: 25). Многие из них никогда не учились в русскоязычной школе, а получали среднее образование исключительно на немецком языке в Германии. Представители именно этой категории постсоветских мигрантов все больше стремятся поступить в университет после школы и продолжить там свое образование.

Привлекательность специальностей, связанных с русским языком, при выборе направления для обучения в университете в ситуации детей постсоветских мигрантов

¹ Более подробную информацию о программе см. на сайте Института славистики Потсдамского Университета: uni-potsdam.de/de/slavistik/studium/bachelor-interdisziplinaere-russlandstudien.html

² О термине «постсоветский миграционный фон» (ориг. нем. *Postsowjetischer Migrationshintergrund*) см. подробнее (Панагиотидис 2017).

³ Заметим, что однозначного мнения относительно границы между первым и вторым поколением мигрантов до сих пор нет. Некоторые разделяют детей мигрантов на появившихся на свет в родной стране («дети мигрантов первого порядка») и родившихся уже, в нашем случае, в Германии («дети мигрантов второго порядка») (Diefenbach 2007: 19–21). Другие выделяют даже «поколение 1,5», именно к нему относят детей, мигрировавших вместе с родителями в дошкольном возрасте (Rumbaut 2012), а ко второму поколению, таким образом, относятся только дети, родившиеся уже в стране миграции. Мы же, вслед за (Брюггеманн 2010; Anstatt 2011; Dubinina; Polinsky 2013; Дубинина, Полинская 2013 и др.), в настоящей статье остановимся на более общем понимании второго поколения мигрантов, относя к нему и родившихся в Германии детей из семей мигрантов, и тех, кто родился на территории бывшего Советского Союза и мигрировал вместе с родителями в детском возрасте.

⁴ О наименованиях и самоназваниях этой группы постсоветских мигрантов см. подробнее (Менг, Протасова 2011).

кажется очевидной: обладая знаниями русского языка (хотя и в различной степени) и культуры, студенты, возможно, идут по пути наименьшего сопротивления и надеются с легкостью пройти всю университетскую программу. При этом кто-то останавливает свой выбор на самой русистике, другие выбирают русский язык в педагогических целях, а некоторые – «Междисциплинарные исследования России» (МИР). Но так ли все просто? Ежедневная многолетняя работа с такими студентами показывает, что причины выбора ими названных специальностей куда глубже, чем кажется на первый взгляд.

В данной статье мы сосредоточимся на студентах бакалаврского направления МИР и постараемся выяснить, с чем связан их выбор этой специальности и какую роль обучение по данной программе играет или сыграло в их жизни и в процессе их самоидентификации. Одним из центральных вопросов при этом станет вопрос о том, обладают ли они так называемой транснациональной идентичностью и какие преимущества, а, возможно, и недостатки влечет за собой такая идентичность при выборе находящегося в нашем фокусе бакалаврского направления.

2. Междисциплинарные исследования России в Потсдамском Университете (Германия)

Прежде всего необходимо сказать несколько слов о бакалаврской программе, в рамках которой были проведены опросы и интервью, результаты которых будут представлены в последующих частях данной статьи.

«Междисциплинарные исследования России» (МИР) – четырехгодичная бакалаврская программа, выделяющаяся в первую очередь своей междисциплинарной и интернациональной направленностью. Первые три года (1-6 семестр) студенты проходят обучение на двух факультетах Потсдамского Университета одновременно: философском, где они изучают русистику и основы литературо- и культуроведения, и социально-экономическом, где они осваивают такие дисциплины, как политология, экономика и управление. Первые три года служат не только подготовкой к будущей профессиональной деятельности, но и, в первую очередь, к последнему, четвёртому, году обучения, который должен быть полностью проведён в России или русскоязычном зарубежье. Первый семестр последнего года, т.е. 7 семестр в рамках всей программы, студенты проводят в одном из партнёрских вузов России в Москве, Санкт-Петербурге или Иркутске. В течение этого семестра они углубляют полученные в Потсдаме знания в областях русистики, политологии, экономики и управления, посещая занятия по перечисленным дисциплинам на русском языке. Наличие русскоязычного фона¹ и, следовательно, владение русским языком в той или иной степени, а также знание культуры, менталитета и других социокультурных особенностей России должны, несомненно, быть большим преимуществом и облегчать учебу в рамках описанной бакалаврской программы. Кроме того, в связи с наличием миграционного опыта, пережитого в детском возрасте или знакомого по рассказам членов семьи, такие студенты постоянно находятся на пересечении двух культур: русской и немецкой. В комбинации с теоретическими знаниями, полученными во время обучения в бакалавриате, их бикультурная принадлежность может помочь им и в профессиональной деятельности, где они могут выступать посредниками в любых сферах российско-немецких отношений. Однако такая би-, а возможно, и мультикультурность влечет за собой формирование транснациональной идентичности², что не

¹ Подробнее об этом термине см. (Ермакова 2014). Отметим, что в последнее время для описания этого феномена в русскоязычной литературе все чаще используется термин «эритажник» (Выренкова и др. 2014). Однако поскольку фокус данной статьи лежит не на языковых особенностях наших студентов, а на последствиях их миграционного опыта в контексте обучения в университете и выбора будущей специальности, мы остановимся на термине «русскоязычный фон» по аналогии с многократно упомянутым «миграционным фоном».

² Термин взят нами из нем.: *Transnationale Identität* (Kneidinger 2013: 92). Однако его можно встретить и в русскоязычной литературе: ср. Обатнин, Хуттунен (2018).

всегда проходит беспроблемно в случае молодых людей, еще только ищущих себя и свое предназначение в жизни.

3. Транснациональная идентичность

В тесной связи с темой миграции находится дискуссия об идентичности личности. Ведь с изменением места жительства и социального пространства меняется видение и себя самого в этом пространстве, и приписываемой нам извне определенной роли в нем. Найти ответы на такие вопросы, как «Кто я?», «Кто мы?», «Кто свой, а кто чужой?», совсем не просто. Что же определяет идентичность человека? Возможно, этнос, язык, культура, религия, профессия, социальный статус или место жительства? Дискуссию о концепте идентичности осложняет неоднозначность определений этого понятия, часто сомнительных и слишком абстрактных, находимых нами в самых различных исследовательских областях. В первую очередь вопросами идентичности занимаются психология и социология, предложившие одни из первых определений этого концепта ещё в начале XX века.

Традиционно под идентичностью в социологии и психологии понималась последовательно развивающаяся цельная личность, которая постоянно идентична сама себе. Это «постоянство» все больше критикуется, а иногда и полностью отрицается в новейших исследованиях (Zirfas 2010: 11). Особенно в контексте миграции постоянство идентичности вызывает сомнение (ср. Менг, Протасова 2011: 515).

В данной статье будет использован концепт «транснациональной идентичности» в определении Б. Кнейдингер, которая понимает под этим термином самоидентификацию личности сразу с несколькими национальностями (Kneidinger 2013: 92). Именно этот концепт кажется нам наиболее подходящим для описания и анализа идентичности молодых людей с миграционным фоном.

Само понятие транснациональности стало вызывать интерес социальных и гуманитарных наук в Европе в 1990-е годы. «Транснациональной» называли тогда любую форму взаимодействия лиц или групп людей, которая распространялась как минимум на две страны и таким образом выходила за границы каждого из государств-участников (ср. Faist al. 2013: 8). В контексте транснациональной миграции и всемирной глобализации важным является то, что под миграцией становится невозможным понимать однонаправленное переселение из пункта А в пункт В и последующую ассимиляцию мигранта в пункте В (ср. Glick Schiller et al. 1992: 1–3). Во многом благодаря Интернету мигранты сохраняют и поддерживают контакты с родиной вне зависимости от разделяющего их расстояния. Эти контакты проникают во все сферы жизни и затрагивают как семейные, так и экономические, культурные, религиозные и социальные связи с покинутым обществом (там же: 7). Таким образом, понятие транснациональности в контексте миграции и в рамках данной статьи должно быть понято шире, чем простое преодоление национальных границ: оно охватывает все области функционирования вовлеченных государств-участников. Транснациональная идентичность при этом – многогранный концепт, при котором человек находится в постоянном контакте сразу с несколькими нациями и чувствует свою принадлежность к ним, а различные составляющие его идентичности могут быть в разной мере отнесены к этим нациям.

4. Этнокультурная самоидентификация первокурсников бакалаврской программы «Междисциплинарные исследования России»

Переход из школы в университет является сложным биографическим этапом каждого человека, ведь часто он связан не только с важным решением о выборе будущей специальности, но и с изменением места жительства, переездом в другой город, знакомством с новыми людьми и, соответственно, с новой ролью в новом окружении. В социальной психологии подчеркивается важная роль этого жизненного этапа в процессе формирования идентичности (ср. Ackermann, Schumann 2010: 231).

Почему же молодые люди с постсоветским миграционным фоном выбирают бакалаврскую программу МИР и как это связано с формированием их идентичности? Чтобы ответить на этот вопрос, нами были проведены анкетирование среди первокурсников и несколько нарративных интервью со студентами и выпускниками этой программы.

4.1. Самоидентификация студентов МИР по результатам анкетирования

В ходе анкетирования, помимо прочего, студентам был предложен ряд вопросов, касающихся их этнокультурной и языковой самоидентификации¹. Так, например, им был задан вопрос о том, на каком языке они говорят охотнее всего и каким они лучше всего владеют. Результаты были, на первый взгляд, неожиданными: несмотря на то, что почти 70% опрошенных лучше всего владеют немецким (15% русским, 15% затруднились ответить), только 25% говорят на нем охотнее всего. 40% участников анкетирования предпочитают говорить на русском, несмотря на недостаточные знания этого языка². Эти результаты можно объяснить в первую очередь тем, что большинство опрошенных никогда не изучало русский язык в школе или другом учебном заведении. Они используют его исключительно в общении с семьей, близкими и дальними родственниками, иногда с друзьями, коллегами и с недавних пор однокурсниками. Таким образом, в немецкоязычном окружении возможности применения русского языка хотя и есть, но они довольно ограниченные в сравнении с доминирующим немецким. Немецкий же является для них не только языком окружения, но и языком обучения, а следовательно, затрагивает совершенно другие области применения, чем (преимущественно) семейный русский. Приведенные результаты анкетирования наталкивают нас, однако, на вывод, что русский язык для наших студентов связан со столь глубокими позитивными эмоциями, что они предпочитают говорить именно на нем, несмотря на дефицит знаний. Следовательно, они идентифицируют себя именно с этим языком и культурой.

Это предположение подтверждают и ответы на вопрос об этнокультурном самоопределении: «Ощущаете ли вы себя скорее немцем или русским?». Почти 60% опрошенных ответили, что чувствуют себя русскими, 10% – немцами, около 15% затруднились ответить на этот вопрос, около 8% сказали, что они не русские и не немцы, остальные воспользовались возможностью свободного ответа. Именно эти немногочисленные свободные ответы кажутся наиболее интересными в контексте основной темы данной статьи. В некоторых случаях студенты писали, что чувствуют себя одновременно и русскими, и немцами, но появлялись и такие комментарии, как «и не русский, и не немец, но скорее немец», «и не русский, и не немец, но все же больше русский», «раздвоенный». Эти ответы демонстрируют неуверенность студентов касательно их принадлежности к тому или иному этносу (той или иной национальности), хотя эта категория, на первый взгляд, кажется стабильной и не подлежащей сомнению или возможности выбора. Речь же идет скорее об этнокультурной принадлежности, чем только об этнической (или национальной), что оказывается не таким простым вопросом. Возможно, поиск ответа на этот вопрос и является одной из причин выбора направления обучения, непосредственно связанного с Россией.

¹ Анкетирование проводилось каждый новый учебный год 4 раза с 2014 г. среди студентов института славистики с русскоязычным фоном. Всего в нем приняло участие 80 студентов-первокурсников. Некоторые результаты анкетирования см., например, в (Ермакова 2016). Данное анкетирование является частью диссертационного проекта Н. Ермаковой в рамках аспирантуры в Гумбольдтском Университете (Берлин, Германия). Анкета носит социолингвистический характер и составлена на основе (Rethage 2012).

² Нехватку знаний подтверждают и другие вопросы анкетирования, в которых студенты должны были сами оценить свои знания русского и немецкого в области говорения, понимания, чтения и письма, а также ответить, с кем и на каком языке они говорят, на каком языке что пишут и т.д. Подробнее о сложностях в русском языке среди учащих с русскоязычным фоном см., например, Брюггеманн 2010, Ермакова 2014, Ermakova, Holland 2018.

4.2. Самоидентификация студентов МИР по результатам нарративных интервью

Раздвоенность, неуверенность в собственной идентичности, а также признаки наличия транснациональной идентичности прослеживаются и в интервью со студентами более поздних семестров и выпускниками бакалаврской программы МИР¹.

Одним из типичных примеров является рассказ Дмитрия². Он родился в семье инженеров в одном из крупных городов России. В возрасте около четырех лет по настоянию отца вся семья переехала в Германию. Школу Дмитрий посещал и закончил в Берлине, после чего решил изучать естественные и технические науки в университете. По целому ряду причин эту учебу ему пришлось прервать. Чуть позже он стал студентом МИР в Потсдамском Университете. На момент интервью Дмитрию 24 года, он только что получил свой бакалаврский диплом и готовится поступать в магистратуру по направлению восточно-европейских исследований. На вопрос, касающийся его миграционного опыта, Дмитрий реагирует очень эмоционально и подчеркивает, что проблемы самоидентификации у него начались в подростковом возрасте:

Я не терял связи с Россией. Говорят, что молодые люди легче адаптируются, у меня это было совсем не так. Я помню, что у меня были большие проблемы с тем, чтобы понять, кто я такой и найти себя. Это длилось вплоть до выпускного класса. Именно в то время я по-настоящему боролся с собой, пытаюсь понять, кто же я на самом деле: немец или русский. Потому что каждый раз, когда я в то время бывал в России, меня там называли немцем, а когда возвращался в Германию, все немцы называли меня русским. Именно из-за этого мне было сложно понять, кто же я есть.³

Рассказ Дмитрия наглядно демонстрирует процесс стигматизации выходцев из семей мигрантов со стороны обоих обществ. Такое навязывание ярлыков связано в первую очередь с тем, что транснациональная принадлежность в равной степени сразу к нескольким культурам до сих пор не нашла признания в обществе, которое ожидает от каждого человека отнесения себя только к одной культуре, только к одной нации.

После неудач, связанных с первой попыткой обучения в вузе, Дмитрий оказался на распутье и попал в фазу так называемого профессионального переориентирования. Именно в этой кризисной ситуации он находит поддержку в собственных корнях. На вопрос о том, что привлекло его в тот момент в программе МИР, он отвечает:

Однозначно связь с Россией. Россия – страна моего происхождения, там я родился и вырос. Во время поисков самого себя что может быть лучше, чем заняться чем-то, что имеет не только культурную, но и политическую и экономическую связь с Россией, со страной, с которой в конце концов хотелось бы оставаться связанным в плане карьеры. Так что для меня эта программа была оптимальной.

Таким образом, Дмитрий надеялся решить сразу две проблемы, поступая на данную специальность: не просто не потерять связь с Россией, а упрочить эту связь и включить ее в свою будущую профессиональную деятельность и, кроме того, стать ближе к стране своего происхождения и таким образом, возможно, помочь узнать о себе самом на этом кризисном жизненном этапе немного больше.

Насколько сильно влияние общества на этнокультурное самоопределение личности, наглядно демонстрирует пример Светланы. Она родилась в Украине в семье украинца и этнической немки из Казахстана. Когда ей был всего лишь один год, семья переехала в Казахстан, а оттуда чуть позже в Германию по программе поздних переселенцев. Семья оказалась на западе Германии, где Светлана и закончила школу. На момент интервью ей

¹ Всего в нарративных интервью приняли участие 8 студентов и выпускников программы МИР. Интервью проводились М. Роммелем в рамках написания магистерской диссертации в Свободном Университете (Берлин, Германия). Все интервью были проведены на немецком языке.

² В соответствии с законом о защите данных все имена являются вымышленными.

³ Здесь и далее наш перевод с немецкого.

25 лет, она только что вернулась из России, проведя там один год (семестр в партнерском университете в Москве и семестр практики). Отвечая на вопрос, почему же она выбрала МИР, Светлана сама затронула свой миграционный опыт:

Хотя я и родилась в Украине, Россия меня всегда очень интересовала. Вообще до 2014 года эти страны для меня были нечто единое, то есть для меня никогда не было разницы между двумя этими странами и культурами. Но Россия интересовала меня гораздо больше, поскольку я там никогда не была, у меня там нет ни семьи, ни знакомых. Меня впечатляли размеры страны, ее многогранность, и я всегда очень хотела туда поехать и все это увидеть и заново пережить самой, познакомиться с этой страной ближе. Потому я и выбрала эту специальность.

Для Светланы на момент выбора направления обучения не было разницы между странами постсоветского пространства (при доминирующей роли России в этом пространстве), и учеба по программе МИР позволила ей ближе познакомиться с этими странами и понять разницу между ними. События 2014 года в Украине и последующий российско-украинский кризис заставили ее провести четкую границу между Россией и Украиной и задуматься о собственном происхождении:

Раньше я часто говорила, что я русская. Сейчас я так больше не говорю, потому что никакая я не русская. Теперь я отвечаю, что я из Украины. Это стало для меня огромной разницей, хотя для меня самой, пожалуй, и не такой большой, но я знаю, что все остальные это сейчас строго различают.

Под влиянием геополитической ситуации изменилась и самоидентификация Светланы. Хотя сама она отмечает, что разница для нее все еще не такая большая, и не называет себя украинкой, а лишь подчеркивает, что родилась в Украине, все это свидетельствует о все еще происходящих внутри нее самой процессах, о возможном становлении и/или изменении идентичности вне национальных границ.

Приведенные примеры не единичны: внутренняя борьба, сомнения, поиск ответа на вопрос «Кто я?» и попытка решить эти проблемы с помощью выбранной в университете специальности характерны для всех опрошенных студентов с постсоветским миграционным фоном. Это одновременно и попытка связать миграционный опыт и будущую профессию воедино, обернув навязанные ранее ярлыки со стороны общества в преимущества профессионального характера.

5. Миграционный опыт – преимущество при обучении по программе МИР?

5.1. Знание русского языка

Подавляющее большинство студентов с постсоветским миграционным фоном, поступающих на обучение по программе МИР, уже в той или иной степени владеют русским языком. Уровень их знаний различен по самым разным причинам. В общих же чертах можно отметить их богатый словарный запас, который тем не менее ограничен повседневной лексикой. Они часто обладают прекрасным языковым чутьем, за которым, однако, не стоит никакой осознанной системы. Это значит, что они правильно и уместно используют языковые структуры, представляющие наибольшую сложность для изучающих русский как иностранный (например, виды глаголов, причастия), но в отличие и от изучающих РКИ, и от носителей языка совершенно не знают правил и не могут перенести известные им структуры в новые контексты. Их произношение чаще всего близко к произношению носителей языка (за исключением интонационных конструкций). Однако наблюдения последних лет показывают, что такие студенты все хуже различают, а порой и совсем не слышат разницы между твёрдыми и мягкими согласными. Наибольшую же трудность представляет собой их незнание связи между устной и письменной речью. Многие из них совершенно не умеют читать и писать, а те, кто умеет, не владеют правилами орфографии и пунктуации и, кроме того, не чувствуют стилистической разницы между устной и письменной речью (Ermakova, Holland 2018: 396–397).

Сами студенты считают имеющиеся у них знания русского языка несомненным преимуществом по сравнению с однокурсниками, для которых русский язык является иностранным. В рамках ранее упомянутых интервью студенты и выпускники программы

МИР неоднократно сами затрагивали этот аспект. Например, Владимир. Он родился в крупном российском городе и переехал со своей матерью в Германию в возрасте 12 лет. Владимир рассказывает следующее:

То, что я уже знал русский, было большим преимуществом. Мои немецкие сокурсники тратили очень много времени на изучение русского языка. А мне это было не нужно, так что появилось время, чтобы устроиться на подработку.

Светлана, о которой уже шла речь выше, также отмечает преимущества наличия знаний по русскому языку:

Конечно, я думаю, что те, у кого есть миграционный фон, однозначно имеют большой плюс, прежде всего в плане языка. Само собой, мне надо было учить грамматику и прочее, но тем не менее в стране я могла свободно общаться.

Светлана рассказывает о типичных проблемах, которые уже были описаны выше: она никогда не училась в русской школе и не изучала русский язык в немецкой школе, поэтому в начале учебы в университете ей пришлось учиться читать и писать, осваивать теоретические знания в области грамматики и орфографии. Однако она подчеркивает, что наличие русскоязычного фона значительно облегчает коммуникацию на русском языке: таким студентам не надо преодолевать языковой барьер. Во время обязательного годового пребывания в России это является несомненным преимуществом.

5.2. Лингвострановедческий аспект

Помимо знаний языка, студенты с миграционным фоном часто обладают ещё и знаниями о стране, которые помогают им на занятиях по литературе и культурологии. Насколько глубоки эти знания, в большинстве случаев зависит от родительского инпута, который в свою очередь часто связан с уровнем образования самих родителей. Так, существуют различия между подгруппами постсоветских мигрантов касательно этого вопроса. Некоторые исследования утверждают, что русские евреи первого поколения постсоветских мигрантов имеют более высокий уровень образования, чем российские немцы (ср. Naug 2007).

Интервью со студентами и выпускниками программы МИР показали отчетливую (и ожидаемую) тенденцию: чем в более позднем возрасте опрошенные переехали в Германию, то есть чем больше времени они провели в стране своего рождения, тем более разносторонни и глубоки их знания об этой стране. Владимир описывает пребывание в России в рамках учебы как «игру на своем поле»:

Обязательный год в России прошел, правда, отлично. С одной стороны, это для меня была, скажем так, игра на своем поле. С другой же стороны, было и много всего нового. Я ведь переехал в Германию совсем ребенком и настоящей жизни в России не знал. Может, это и хорошо, потому что так много всего нового для меня открылось. Конечно, я много слышал от моих родителей о том, какая в России жизнь, и только потом увидел это своими глазами. Тем не менее мне было легче, чем другим, потому что я знал город – там недалеко жили мои родственники, знал язык и т.д.

Транснациональная идентичность Владимира – его активная и гармоничная связь с обеими странами, их языками и культурами – была наиболее ярко выражена в сравнении с другими участниками интервью.

Порой же те знания о России, с которыми студенты начинают обучение в университете, оказываются неполными или даже искаженными в сравнении с реалиями современной России. Особенно часто это наблюдается среди студентов, переехавших в раннем детском возрасте или уже родившихся в Германии и никогда не бывавших в России. Владимир об этом рассказывает следующее:

«Некоторые российские немцы, это был парадокс, хотя и родились в России или другой русскоговорящей стране, не были там уже 20 лет или больше. Некоторые приехали в два года в Германию и с тех пор не выезжали в Россию. Но поскольку они якобы знают язык, более или менее, и родились там, то считают, что и страну они знают, и ни капли не готовятся. А когда мы все оказались в Москве, у многих российских немцев был настоящий культурный шок, намного более сильный, чем у

немцев. У некоторых немцев вообще шока не было, потому что они готовились и знали, что их ждет: приехали, сразу адаптировались, и все у них было в порядке. А российские немцы удивлялись каждой мелочи и рассказывали мне в полнейшем шоке, например, о том, что кассирши в московском метро невежливые и злые».

Эта цитата из работы Владимира во многом пересекается с рассказами его сокурсников о пережитом удивлении и даже шоке.

Такое недостаточное или даже искаженное представление о российской действительности оказывается проблематичным не только во время обязательного семестра в России: посещая занятия лингвокультурологической направленности, студенты с постсоветским миграционным фоном часто считают себя экспертами в этой области и проявляют явное нежелание знакомства с разными, отличными от их, точками зрения касательно того или иного вопроса. Они острее других студентов реагируют на какую бы то ни было критику России и отказываются вступать в конструктивные дискуссии, предполагающие наличие и аргументацию разных мнений. Одним из типичных примеров такого взгляда является Селина. Она родилась на западе Германии в семье постсоветских мигрантов в небольшом городе, который жители между собой называют «маленькой Москвой». По окончании школы Селина год провела волонтером в России, после чего решила поступать в Потсдам на программу МИР. На момент интервью ей 23 года и несколько семестров бакалавриата у неё за плечами. Однако ей ещё только предстоит провести обязательный год в России. О преимуществах наличия миграционного фона она говорит следующее:

... иметь такой фон довольно практично, потому что студенты без него все видят в совсем иной перспективе. Они просто верят всему, что им говорят. А мы можем лучше об этом рефлексировать и сравнивать, насколько сказанное соответствует тому, что мы сами уже знаем. Мы не просто слепо верим всему, что нам говорят в университете, а часто относимся к сказанному с сомнением, что очень важно.

Таким образом, знания о России, с которыми студенты начинают изучение российских исследований, являются своеобразной «палкой о двух концах». С одной стороны, они представляют собой несомненное преимущество, поскольку многие культурные и исторические аспекты студентам уже знакомы. С другой стороны, приписывание себе роли экспертов на начальном этапе обучения значительно ограничивает их открытость новой информации. Умение же порой критически посмотреть на уже известные аспекты, прислушаться к новым аргументам и другим взглядам – несомненные качества профессионала в области российских и восточноевропейских исследований. Таким образом, одной из важнейших целей программы МИР является не просто передача знаний из области россиеведения, а предоставление студентам инструментария для научного рассмотрения постсоветского пространства как изнутри, так и извне. Их миграционный опыт и еще не укрепившаяся транснациональная идентичность часто встают на пути критической (само)рефлексии, являясь одновременно и неоспоримым бонусом, который только нужно научиться правильно использовать.

Геополитические конфликты часто осложняют этот процесс. Хотя российско-украинский конфликт, отношения между этими двумя странами и позиция Германии не были запланированной частью интервью, большинство опрошенных сами затрагивали эту тему (см. высказывания Светланы выше). Для многих из них острая политическая ситуация становится импульсом к переосмыслению своей принадлежности и более или менее гармонично сосуществовавшие внутри их национальности вступают во внутренний конфликт. Этот новый внутренний конфликт часто затуманивает их взгляд, заставляет чувствовать свою вовлеченность во внешние проблемы и не позволяет им объективно взглянуть на ситуацию, что является важнейшим качеством эксперта.

6. Заключение

Приведенные в нашей статье данные позволяют читателю заглянуть в мир студентов с постсоветским миграционным фоном и увидеть, с каким специфическим жизненным опытом они обращаются к руссиеведению и как их разносторонние знания помогают или мешают им во время учебы. Знание языка (независимо от уровня) и особенностей культуры является несомненным преимуществом. Связи с Россией или другими странами бывшего СССР, которые студенты активно поддерживают, несмотря на большое расстояние, прибавляют им уверенности в себе во время обязательного годового пребывания в России. Однако то, насколько большим преимуществом окажутся все эти знания и связи, зависит в каждом конкретном случае от мотивации студентов и их готовности не просто применять имеющийся багаж знаний, но и расширять его, а возможно, и критически пересмотреть.

Ощущение своей принадлежности и к Германии, и к стране своего происхождения, транснациональность студентов могут стать как причиной глубокого личностного кризиса («Кто я?»), так и спасательным кругом в сложной жизненной ситуации, в которой они обращаются к той или иной стороне своей личности, например, превращая свой миграционный опыт в базу для профессиональной деятельности.

Благодаря ежедневному обращению к постсоветскому пространству в политической, экономической, социальной и культурной перспективах программа МИР дает студентам с миграционным фоном не только шанс применить и расширить имеющиеся у них знания, но и узнать самих себя лучше, научиться профессионально применять свой транснациональный опыт.

Литература

- Ackermann, E.; Schumann, W. (2010) Die Uni ist kein Ponyhof. *Prävention und Gesundheitsförderung*, 5(3), 231–237.
- Anstatt, T. (2011) Russisch in der zweiten Generation. Zur Sprachsituation von Jugendlichen aus russischsprachigen Familien in Deutschland. In: Eichinger, L.M.; Plewnia, A.; Steinle, M. (Hrsg.) *Sprache und Integration. Über Mehrsprachigkeit und Integration*. Tübingen: Narr, 101–128.
- Diefenbach, H. (2007) *Kinder und Jugendliche aus Migrantenfamilien im deutschen Bildungssystem. Erklärungen und empirische Befunde*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
- Dubinina, I.; Polinsky, M. (2013) Russian in the U.S. In: Moser, M.; Polinsky, M. (eds.): *Slavic Languages in Migration*, Vienna: Lit, 161–187.
- Ermakova, N.; Holland, O. (2018) Sprachpraxis im Russischunterricht für Studierende philologischer Studiengänge. In: Röbler, E.; Lingthaler, A. (Hrsg.) *Wilhelm, Alexander und wir: Einheit von Lehre und Forschung im Fremdsprachenunterricht an Hochschulen. Dokumentation der 29. Arbeitstagung 2016 an der Humboldt-Universität zu Berlin*. Berlin: Humboldt-Universität, 58.
- Faist, T.; Fauser, M.; Reisenauer, E. (2013) *Transnational Migration*. Cambridge: Polity Press.
- Glick Schiller, N.; Basch, L.; Blanc-Szanton, C. (1992) Transnationalism: A new analytic framework for understanding migration. In: Glick Schiller, N. (ed.) *Towards a Transnational Perspective on Migration, Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered*, New York: New York Academy of Sciences, 1–24.
- Haug, S. (2007) *Soziodemographische Merkmale, Berufsstruktur und Verwandtschaftsnetzwerke jüdischer Zuwanderer*. Unter Mitarbeit von M. Wolf (Working Papers 8). Nürnberg: Bundesamt für Migration und Flüchtlinge.
- Kneidinger, B. (2013) *Geopolitische Identitätskonstruktionen in der Netzwerkgesellschaft*, Wiesbaden: Springer Fachmedien.
- Panagiotidis, J. (2017) Postsowjetische Migranten in Deutschland – Perspektiven auf eine heterogene Diaspora. *Aus Politik und Zeitgeschichte*, 67(11–12), 23–30.
- Rethage, W. (2012) *Strukturelle Besonderheiten des Russischen in Deutschland. Kontaktlinguistische und soziolinguistische Aspekte*. München: Otto Sagner.
- Rumbaut, R.G. (2012) Generation 1.5, educational experiences of. In: Banks, J.A. (ed.) *Encyclopedia of Diversity in Education*. Thousand Oaks, CA: SAGE. ssrn.com/abstract=2182167
- Worbs, S.; Bund, E.; Kohls, M.; Babka von Gostomski, C. (2013) *(Spät-)Aussiedler in Deutschland, Eine Analyse aktueller Daten und Forschungsergebnisse*. Nürnberg: Bundesamt für Migration und Flüchtlinge.
- Zirfas, J. (2010) Identität in der Moderne. Eine Einleitung. In: Jörissen, B.; Zirfas, J. (Hrsg.) *Schlüsselwerke der Identitätsforschung*. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 9–18.

- Брюггеманн, Н.Ю. (2010) Сопоставительная лингвистика и преподавание грамматики русского языка в ситуации русско-немецкого двуязычия, *Русский язык: исторические судьбы и современность IV*. Москва: МГУ, 590–591.
- Выренкова, А.; Полинская, М.; Рахилина, Е. (2014) Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эри-тажный» («унаследованный») русский язык. *Вопросы языкознания*, 3, 3–19.
- Дубинина, И.; Полинская, М. (2013) Русскоговорящие американцы: лингвистические портреты. В: Клименко, О.К. *Язык в глобальном контексте: Северная Америка сегодня как культурно-языковой феномен*. Москва: ИНИОН, 95–123.
- Ермакова, Н.А. (2014) К проблеме преподавания РКИ немецкоговорящим студентам с русским / русскоязычным фоном. *Русский язык за рубежом*, 5, 39–43.
- Ермакова, Н.А. (2016) Особенности преподавания русского языка немецким студентам-филологам с русскоязычным фоном: этап вступительного тестирования и организации курсов. *Филологическое образование в современных исследованиях: лингвистический и методический аспекты*. Ярославль: Ремдер, 321–326.
- Менг, К.; Протасова, Е. (2011) Русаки в Германии. Изменения культурного самопонимания российских немцев после переселения в Германию. В: Герман, А.А. (ред.) *Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков*. Москва: МСНК-пресс, 514–530.
- Обатнин, Н.; Хуттунен, Т. (ред.) (2018) *Транснациональное в русской культуре: Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XV*. Москва: Новое литературное обозрение.